

снижающими чертами. Князь Мышкин, как и герой Блока, связан одновременно и с пушкинским образом «рыцаря бедного».

Бертран, согласно характеристике Блока, «тяжелый человек», «неповоротлив», «неуклюж», «некрасив лицом». У него «квадратная внешность и не квадратная душа» [2, т. 4, с. 534—535]. Именно он воплощает дорогую Блоку идею «стояния на страже»: «Служба и долг глубоко вошли в его жизнь» [2, т. 4, с. 534]. «Он неутомимо честен, трудно честен, а с такой честностью жить на свете почти невозможно, и все окружающие, пользуясь этой честностью на все лады, над ней же издеваются и считают ее дурацкой» [2, т. 4, с. 533—534]. Его называют «вороной в рыцарских перьях», правду из его уст воспринимают как воронье карканье. Бытовое сравнение Бертрана с вороной, повторенное дважды, закрепляет за героем этот символ, который набирает особую глубину в сопоставлении с другими персонажами, носителями той же «птичьей» символики (Гаэтан — петух, Алискан — соловей). *Ворона*, как и *Ворон*, в мифологических представлениях многих народов мира связывается с различными сферами космоса: подземным миром, землей, водою, солнцем — отсюда многозначность этого образа. Некрасивая птица черного цвета со зловещим криком является посредником между смертью и жизнью, связана с царством мертвых, выступает вестником зла. Это птица, приносящая несчастье. Недаром прозвище Бертрана — Рыцарь-Несчастье. Но это и птица мудрости, которой открыты тайны жизни и смерти. Символику ворона подкрепляет и этимологическое значение личного имени носителя этого прозвища: Бертран — древневерхненемецкос по происхождению имя, получившее распространение в англосаксонском и романо-германском мире (англ. и нем. Bertram, англ. и фр. Bertrand, ит. Bertrando, испан. Bertran), — восходит к др.-в.-н. Berahtram, Berahthran (beraht «яркий, светлый» + hraban «ворон») [7, с. 75—76].

Связь «стояния на страже» с «несчастьем» в образе Бертрана, возможно, получила подкрепление в высказывании Заратустры: «Несчастливыми называю я также и тех, кто всегда должен быть на страже...» [8, т. 2, с. 140].

Образ и судьба Бертрана получают выражение и в другой символической детали — лейтмотиве засохшего ствола старой яблони. В начальном монологе Бертран провидчески говорит о том, что ожидает старую яблоню ближайшей весной:

Лишь две-три бледно-розовых ветви протянешь
В воздух, омытый дождями,
Черный, бурей измученный ствол!

Это сравнение-параллелизм осмысляет как свое грустное будущее сам Бертран:

Чем ты, старый, ответишь весне?

Недаром Изоре старая яблоня за окном представляется крестом:

Видишь старые, черные ветви
В небе дождливом, как крест...

В последней сцене Бертран помогает Алискану взобраться по голому стволу яблони в окно Изоры, подставляя ему свои плечи, и тем самым сливается с деревом, становясь вместе с ним опорой, основой, средством для счастья Изоры с Алисканом. В этом слитном образе самоотречение Бертрана, его верность и служба до конца получают полное, как бы материализованное воплощение.

Дерево мифологически ассоциируется с Мировым Древом — фундаментальной основой мироздания. Дерево рассматривается также как символ Микрокосма, т. е. человека [9, кн. 1, с. 357]. Сам вид дерева — яблоня — намекает на библейское Древо Познания Добра и Зла. Проникший в христианскую традицию восточный миф рассказывает о том, что душа, достигшая земной трещины, отмечающей вход в страну мертвых, увидела там дерево, одна сторона которого была живой и зеленой, а другая — мертвой и сухой. Дети, собравшиеся вокруг, дают